



Профилактика безнадзорности и преступности несовершеннолетних в Карелии в 1920–1960-е гг.

Людмила Ивановна Вавулинская
Александра Вячеславовна Чебаковская

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия*

Введение. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов прослеживаются изменения в содержании и формах государственной политики по профилактике преступности несовершеннолетних в Карелии на протяжении 1920-х – первой половины 1960-х гг. В центре внимания – реконструкция соответствия провозглашенной Советским государством программы защиты детей и подростков реалиям того времени.

Материалы и методы. В работе использованы материалы Национального архива Республики Карелия, которые достаточно полно отражают различные аспекты рассматриваемой проблемы. Исследование велось на основе междисциплинарного подхода, с применением наработок не только исторической, но и педагогической науки, социальной и политической истории, психологии, юриспруденции и др. При подготовке статьи использованы системный, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Репрезентативно исследованы различные аспекты профилактической работы органов управления и административных учреждений Карелии по предупреждению детской и подростковой преступности. Обобщен опыт формирования и трансформации системы детских учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, отмечены общественные инициативы в вопросе улучшения жизни нуждающихся детей. Выделены основные этапы деятельности государственных и административных органов по предупреждению преступности детей и подростков. Если в первой половине 1920-х гг. наметилось частичное смягчение уголовной ответственности несовершеннолетних с применением к ним мер «медико-педагогического» характера, то с середины 1930-х гг. вектор развития государственной политики стал меняться в сторону ее ужесточения и расширения круга полномочий НКВД. В послевоенный период был сделан существенный упор на перевоспитание трудных подростков, превенцию преступности несовершеннолетних.

Заключение. В статье выявлены причины и описаны меры профилактики детской и подростковой преступности в Карелии в указанный период. Опыт решения проблем ее предупреждения, накопленный в 1920–1960-е гг., широко применялся в дальнейшем, что подтверждает эффективность выработанной системы.

Ключевые слова: профилактика, преступность несовершеннолетних, детская беспризорность, Карелия

Благодарности: Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (№ 121070700117-1 «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации»).

Для цитирования: Вавулинская Л. И., Чебаковская А. В. Профилактика безнадзорности и преступности несовершеннолетних в Карелии в 1920–1960-е гг. // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 418–436. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.418-436.

Введение

Проблемы профилактики преступности несовершеннолетних не утрачивают своей актуальности в современных условиях. В последние годы в России наблюдается рост криминальной активности школьников и студентов. По данным Генеральной прокуратуры РФ, за 9 месяцев 2021 г. в стране было расследовано 22,8 тыс. фактов подростковой преступности. Наибольший уровень преступности подростков в расче-

те на 10 тыс. лиц в возрасте от 14 до 17 лет отмечен в Карелии – 108,6 при российском показателе в 38,5¹. По мнению экспертов, ситуация с детской преступностью в Карелии связана с неблагоприятным социально-экономическим положением в регионе, низкими доходами населения и недостат-

¹ URL: <https://karelinform.ru/news/2021-11-29/kareliya-snova-otlichilas-po-urovnyu-podrostkovoyu-prestupnosti-2327023> (дата обращения: 10.11.2022).

ком спортивных секций². В связи с этим научный и практический интерес представляют изучение и обобщение исторического опыта, накопленного в области профилактики преступности несовершеннолетних на разных этапах социалистического строительства в СССР, и в частности в Карелии³.

Обзор литературы

До недавнего времени проблемы профилактики преступности детей и подростков рассматривались преимущественно в работах юристов, изучающих правовые и организационные основы системы предупреждения преступности несовершеннолетних в России [3–5; 15; 18], а также в исследованиях представителей педагогической науки, занимающихся вопросами реализации законодательной и правоприменительной, социально-педагогической практики по предупреждению негативно отклоняющегося поведения несовершеннолетних [1; 6].

Сегодня интерес к обозначенным вопросам все чаще проявляют историки и социологи, пытаясь внести свое видение проблемы и углубляя аспекты изучения причин, закономерностей, общих и специфических черт подростковой преступности на разных этапах развития советского и российского общества. Н. В. Иванов, Д. А. Краснов и Н. А. Шабельникова характеризуют причины и виды подростковой преступности, результативность профилактических мер по ее предупреждению [9; 13; 14; 26]. В. Н. Бубличенко и А. А. Славко анализируют деятельность детских закрытых учреждений НКВД – МВД СССР и детских колоний для несовершеннолетних правонарушителей в России [7; 19; 20]. Приходит осознание того, что проблему подростковой преступности необходимо рассматривать как междисциплинарную, стоящую на стыке несколь-

ких наук (исторической, юридической, педагогической, демографической и др.). Такой подход отличает статью М. В. Головизиной, в которой прослеживаются различные аспекты политики социального контроля преступности несовершеннолетних в СССР на протяжении длительного периода существования Советского государства (1917 – конец 1980-х гг.) [8].

Зарубежные исследователи также обращаются к проблемам, так или иначе связанным с защитой детей в России [24; 27–32]. Например, А. Болл описывает положение беспризорных детей в СССР в 1918–1930-е гг., ориентируясь на российские и иностранные источники [28]. Н. Берман, давая характеристику преступности несовершеннолетних в Советской России, останавливается на видах ее профилактики (образование, трудоустройство, кинотеатры и газеты) [29]. З. Вайтц при анализе детской беспризорности и преступности в СССР выделяет этапы борьбы с ними [32]. Ш. Фицпатрик изучает вопросы функционирования пенитенциарной системы и «перековки» личности подростка с помощью труда [24]. Некоторые выводы зарубежных ученых созвучны с результатами российских исследователей.

Вместе с тем, на наш взгляд, в более детальном рассмотрении нуждаются такие стороны проблемы, как участие общественных организаций в работе по профилактике преступности молодежи, взаимодействие учителей и родителей, роль культурно-просветительных и детских учреждений в этом деле.

Материалы и методы

Региональные исследования, отражая местную специфику работы по профилактике преступности несовершеннолетних, позволяют более полно и разносторонне представить как положительный,

² См.: Петров И., Носатов И. Мелкая уголовщина: дети и подростки совершают все больше тяжких преступлений. Что делать с ростом криминала среди несовершеннолетних // Известия. 2020. 9 февраля. URL: <https://iz.ru/973193/ivan-petrov-ivan-nosatov/melkaia-ugolovshchina-deti-i-podrostki-sovershaiut-vse-bolshe-tiazhkikh-prestuplenii> (дата обращения: 16.03.2022).

³ Название республики в рассматриваемые годы неоднократно менялось: Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика (АКССР, 1923–1936 гг.), Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика (КАССР, 1936–1940 гг.), Карело-Финская Советская Социалистическая Республика (КФСР, 1940–1956 гг.), Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика (КАССР, 1956–1991 гг.).

так и негативный опыт в этой области, накопленный в 1920–1960-е гг. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов Национального архива Республики Карелия (НА РК) и Архива Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Карелия (Архив МВД по РК) рассмотрены формы и методы профилактики преступности несовершеннолетних, их изменение на протяжении нескольких десятилетий в соответствии с социально-экономическими и идеологическими задачами, стоявшими перед советским обществом на разных этапах развития. Однако архивные материалы, освещая различные аспекты проблемы, не содержат полноценную статистику подростковой преступности в регионе, в связи с этим данные в статье приводятся за отдельные годы.

Исследование осуществлялось на основе междисциплинарного подхода с применением наработок не только исторической, но и педагогической науки, социальной и политической истории, юриспруденции и др. При подготовке статьи использованы общенаучные (анализ, синтез) и конкретно-исторические (проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, статистический) методы исследования.

Хронологические рамки статьи охватывают 1920-е – первую половину 1960-х гг., что позволяет проследить складывание и развитие основных форм и методов профилактики преступности несовершеннолетних. Нижняя граница обусловлена тем, что в первые годы советской власти преступность детей в регионе, как и в целом по стране, приобрела большой размах и стала острой социальной проблемой. В этот же период формировалась система центральных и местных органов управления в сфере охраны детства, создавались специальные комиссии по делам несовершеннолетних. Определение верхней границы связано с тем, что в первой половине 1960-х гг. также наблюдалась тенденция роста подростковой преступности и были приняты законодательные документы по

усилению ответственности за совершенное преступление. Эти решения изменили вектор социальной политики в отношении несовершеннолетних преступников.

Результаты исследования и их обсуждение

В начале 1920-х гг. преступления детей не имели четкой фиксации со стороны соответствующих ведомств, что было связано не только с существовавшей ведомственной неразберихой, но и с разногласиями в вопросах возраста привлечения детей к уголовной ответственности. Возраст наступления уголовной ответственности то понижался, то повышался, менялись меры наказания по отношению к детям-правонарушителям. Увеличение количества беспризорных детей влекло за собой рост их преступных деяний, так как подросткам (чаще всего правонарушения совершались мальчиками школьного возраста) приходилось самостоятельно искать пути удовлетворения физиологических потребностей, нередко прибегая к кражам, грабёжам, а иногда и к разбоям.

По выражению А. Болла, в начале 1920-х гг. брошенные дети заполнили основное пространство нового Советского государства [27]. В 1920 г. в Карелии насчитывалось 1 800 беспризорных детей, о чем свидетельствует годовой отчет подотдела охраны детства Олонецкого уезда⁴. В 1921 г. Олонецкий губернский продовольственный комитет, предоставляя сведения о количестве необходимого продовольствия нуждающимся детям, включил в перечень «4 300 детей беднейшего населения»⁵, которые в целях улучшения собственного положения могли прибегать к имущественным преступлениям. В 1925 г. председатель Деткомиссии при Карельском центральном исполнительном комитете М. Л. Хелле, докладывая о проделанной работе на общем собрании членов секции по народному образованию при Петрозаводском городском совете, отмечала, что в республике свыше 1 200 беспризорных детей нуждаются в срочной помощи, 950 чел. нахо-

⁴ См.: Социальное воспитание с 1 января по 1 октября 1920 г. // НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 68.

⁵ Письмо в Олонецкий Губпродком от 20 апреля 1921 г. № 2123/5 // Там же. Д. 932. Л. 25.

дятся в местных детских домах⁶. Как и в целом по стране, основными причинами детской беспризорности являлись смерть одного или обоих родителей и отсутствие опеки со стороны родственников, материальная необеспеченность и моральное неблагополучие семьи.

Исследования ученых-педологов показали, что именно у беспризорных детей в условиях уличной борьбы за существование появлялись авантюристические устремления⁷. Улица заставляла детей вступать на преступный путь, но чаще всего только крайняя нужда, отсутствие всякой опоры могли толкнуть подростка на правонарушение, которое было сопряжено с большим риском, так как ему приходилось красть не для того, чтобы полакомиться, а для того, чтобы прожить [16, 32].

Комиссии по делам несовершеннолетних определяли меры по отношению к малолетним правонарушителям. Ими могли быть «беседа, разъяснение, замечание воспитателя; внушение и оставление на свободе под присмотром родителей, родственников и обследователей; определение на ту или иную работу; помещение в школу; отправка на родину; помещение в детский дом»⁸.

В Карелии Комиссия о несовершеннолетних изначально действовала при губернском отделе социального обеспечения⁹. 21 декабря 1918 г. состоялось первое заседание комиссии, на котором были рассмотрены дела о восьми задержанных подростках¹⁰. Постепенно задачи комиссии расширялись. В начале 1930-х гг. она стала выполнять работу по профилактике детской беспризорности и безнадзорности, защите прав и интересов несовер-

шеннолетних, наблюдению за воспитанием детей, находящимся под опекой и на патронате.

При выявлении беспризорных и безнадзорных детей местная власть старалась устроить их в семьи или детские учреждения закрытого типа. В случае серьезного противоправного деяния единственно возможной мерой «медико-педагогического» воздействия являлось определение в детское учреждение социального воспитания. В качестве самой строгой и крайней меры правонарушители направлялись в следующие детские учреждения: временно – в приемно-распределительный пункт в Петрозаводске, на продолжительный срок – в Космозерский детский дом для трудновоспитуемых. Единичные случаи были связаны с помещением малолетних правонарушителей в исправительные дома Ленинграда, фигурирующие в отчетах комиссии как «дома для дефективных детей» [25, 97].

Дети-правонарушители отправлялись и в обычные детские дома. К 1925 г. на территории Карелии действовали 17 таких учреждений, насчитывавших 800 воспитанников, а в конце 1929 г. – 25 с 1 266 воспитанниками¹¹. В 1931 г. Повенецкий детский дом был переименован в трудовую коммуны, а в 1934 г. Палеостровский реорганизован в трудовую колонию. С этого времени здесь находились в основном несовершеннолетние правонарушители. Реорганизация детских учреждений проводилась в соответствии с Исправительно-трудовым кодексом РСФСР 1933 г.¹², с принятием которого началось формирование системы исправительно-трудовых колоний для несовершеннолетних. К 1935 г. в Карелии существовали уже три детских

⁶ См.: Протокол № 5 общего собрания членов секции по народному образованию при Петрозаводском городском совете от 20 февраля 1925 г. // НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 4а. Л. 1.

⁷ См.: Залкинд А. Б. Беспризорность и детские психопатии (тезисы к докладу) // Борьба с беспризорностью: материалы 1-й моск. конф. по борьбе с беспризорностью. М., 1924. С. 25.

⁸ Постановление Народных комиссариатов просвещения, здравоохранения и юстиции РСФСР от 30 июля 1920 г. – Инструкция Комиссиям по делам о несовершеннолетних // НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 937. Л. 15.

⁹ См.: Комиссия о несовершеннолетних // Известия Олонцкого губернского исполкома Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 255. С. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Ежегодник: Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика, 1932–1933. Петрозаводск, 1934. С. 150; Ежегодник: Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика, 1933–1934. Петрозаводск, 1936. С. 215.

¹² См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2002. С. 78.

дома для трудновоспитуемых с количеством воспитанников 161 чел.

В условиях, когда в 1920-х гг. все силы были брошены на борьбу с голодом и холодом, власть старалась создать благоприятные базовые условия для жизни детского населения, привлечь детей и подростков к учебе. Военные действия, разруха в годы Гражданской войны сломали систему образовательных учреждений, сложившуюся в предвоенные годы [23, 26]. В Петрозаводском уезде школьная сеть приблизилась к довоенному уровню только в 1924 г., в других уездах она не достигала и 50 % от этого уровня¹³. В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. школьные реформы стали частью общегосударственной политики, на основе которой были введены всеобщее начальное образование в республике и семилетнее образование в городских поселениях Карелии. С 1922 по 1937 г. количество школ в Карелии увеличилось более чем в полтора раза – с 325 до 515 [10, 567].

В целях профилактики детской беспризорности и преступности государство стремилось организовать свободное время детей. В 1920-х гг. страна постепенно выходила из социальных потрясений, общество испытывало потребность в физическом и духовном отдыхе. Изменившиеся условия привели к существенной трансформации самих представлений о свободном времени. В этом контексте досуг детей лишился личного характера и превращался в регулируемую государством сферу. Определенные формы внеурочных занятий и мероприятий позволяли организовать свободное время детей и тем самым ограничить возможность беспризорного образа жизни или совершения правонарушений.

Важным средством воспитания детей выступала физическая культура. Занятие физкультурой, спортом, ставшее массо-

вым в рассматриваемые годы, несло в себе одновременно решение трех связанных задач: организации производства в коллективе, подготовки физически сильного, здорового защитника Родины, а также формирования советского человека как гармонической, всесторонне развитой личности [17, 100]. Однако на практике в большинстве школ специальных часов для физкультуры не выделялось [23, 38]. Несмотря на это, у местной молодежи была «внутренняя потребность к спорту», что доказывалось большим распространением таких увлечений, как лыжи, коньки, гребной спорт и др. В 1923 г. в Петрозаводске функционировал «Спорт-Центр Всеобуча», объединявший все городские спортивные организации. На общественной пристани располагался «Водо-Спорт-Центр», ориентированный на парусный (яхты), гребной (шлюпки, вельботы) спорт и плавание¹⁴. Для оздоровительной работы использовалась лыжная станция, во время зимних каникул около 1 тыс. детей могли покататься на лыжах, коньках под присмотром инструктора¹⁵.

Оздоровлению детей способствовали кампания по организации летних колоний для отдыха и оздоровительных площадок, отправка воспитанников в санатории, пионерские лагеря. В Карелии были созданы детские противотуберкулезные и общеоздоровительные санатории в населенных пунктах Уя, Видлица, Судалица [2, 268], больных детей принимали Ленинградская область и Крым. В 1931 г. в Олонце открылся профилактический детский санаторий, в 1933 г. – ночной санаторий для школьников Олонецкого района¹⁶. Ряд общественных организаций оказывал содействие в предоставлении материальной поддержки нуждающимся семьям и направлении детей в учреждения. На средства крестьянских комитетов общественной взаимопомощи оборудовались новые

¹³ См.: Состояние дела социального воспитания в АКССР за 1923–1924 учебный год // НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

¹⁴ См.: Весь Петрозаводск: Справ. кн. г. Петрозаводска на 1923 г. с прилож. пл. города. Петрозаводск, [б. г.]. С. 45.

¹⁵ См.: Докладная записка о работе областного общества «Друг детей» за 1934 г. // НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 18. Л. 100.

¹⁶ См.: Крылова Ф. В. Забота о детях // На фронте мирного труда: Воспоминания участников соц. стр-ва в Карелии. 1920–1940. Петрозаводск, 1976. С. 305.

детские площадки и лагеря. Профсоюзы брали шефство над детскими учреждениями, содействовали трудоустройству их выпускников. Комсомольцы привлекались к выявлению беспризорников и детей из малообеспеченных семей с целью определения ребенка в детский дом или назначения пособия¹⁷, проводили учебно-воспитательную и спортивную работу с несовершеннолетними. Комсомол совместно с партийными и профсоюзными организациями создал общественный фонд всеобуча, средства которого поступали в том числе и на организацию в школах горячих завтраков, открытие интернатов, покупку обуви и одежды необеспеченным [21, 79].

Местная власть уделяла внимание культурно-массовой работе с детьми, организации экскурсий, киносеансов, походов в театр, библиотеку и др. С 1925 г. в Карелии началось развитие сети кинотеатров. Если перед революцией на территории региона имелись только два кинотеатра в Петрозаводске, то в 1925 г. в республике насчитывалось уже 14 постоянных и 4 передвижные киноустановки, а в 1934 г. – 45 и 140 соответственно¹⁸.

Приобщение детей к чтению являлось важной составляющей воспитательного процесса. В 1919 г. начала работу Центральная библиотека в Петрозаводске, в 1923 г. в ее состав входили общеобразовательное и детское отделения¹⁹, в каждом из них насчитывалось около 7 тыс. книг [23, 110]. Филиалы библиотеки открывались на рабочих окраинах города, организовывались районные библиотеки. В 1940 г. в Карелии было 256 библиотек: 1 республиканская, 19 районных, 5 городских, 224 сельские и 7 детских²⁰. Особое внимание уделялось школьным библиотекам, к концу 1930-х гг. их насчитывалось 338.

В библиотеках и других детских учреждениях организовывались различные кружки: драматические, литературные,

музыкальные, общественные, политические, технические, хоровые, спортивные, любителей природы и др. Кружковая работа была направлена на получение воспитанниками умения «разумно использовать свой досуг, найти занятие, отвечающее склонностям и интересам каждого отдельного ребенка»²¹. Все эти виды профилактической деятельности создавали благоприятную основу для успешной социализации детей, однако финансирование и распределение денежных средств чаще были направлены на удовлетворение их первичных потребностей, улучшение материальной базы учреждений.

С середины 1930-х гг. вектор развития государственной политики начал смещаться в сторону ее ужесточения, комиссии по делам несовершеннолетних были признаны неэффективными [5, 121]. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» комиссии были упразднены, обязанность по организации противодействия детской преступности была возложена на правоохранные органы. «Трудными» детьми, не нарушившими закон, должен был заниматься Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), но вопрос о том, будет ли тот или иной ребенок передан правоохранительным органам, по наблюдению К. Келли, всякий раз решался случайным образом [11]. Принятие данного постановления, как отмечает А. В. Комарницкий, вряд ли было оправдано целью ликвидации преступности среди несовершеннолетних; скорее оно стало результатом тоталитарного режима [12, 25].

В обязанность Главного управления рабоче-крестьянской милиции вменялось проведение мероприятий по борьбе с беспризорностью и преступностью детей²²; в отношении родителей принимались меры по усилению ответственности при совершении их детьми правонарушений. Ор-

¹⁷ См.: Медвежьегорскому РИК. Доклад Повенецкой деткомиссии. 1932 г. // НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 2. Л. 7.

¹⁸ См.: Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1932–1933. С. 160.

¹⁹ См.: Весь Петрозаводск. С. 43.

²⁰ См.: Докладная записка о состоянии библиотечной работы в Карело-Финской СССР. 1940 г. // НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 4. Л. 53.

²¹ Примерная клубная работа в детских домах. 1922 г. // Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 1142. Л. 5.

²² См.: О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности // Комсомолец Карелии. 1935. № 76. С. 2.

ганы Наркомпроса и милиции доводили до сведения общественных организаций по месту работы родителей факты отсутствия надзора с их стороны за поведением детей. Как подчеркивает Н. Берман, малолетний преступник предстал перед судом вместе с родителями или опекунами, которым предъявлялось обвинение либо в халатности (назначался штраф), либо в содействии совершенному правонарушению (пять лет принудительного труда) [29, 71].

Со второй половины 1930-х гг. заметно расширился круг полномочий НКВД, в частности за счет передачи в его ведение приемных пунктов, ранее относившихся к компетенции Наркомпроса. Изменился срок пребывания в них беспризорных – с трех до одного месяца. Распоряжением начальника Особого технического бюро НКВД СССР П. С. Перепелкина от 23 июля 1935 г. вводилась типизация трудовых колоний: трудовые колонии обычного типа для мальчиков и девочек в отдельности; трудовые колонии с особым режимом; изоляторы для подсудимых в тюрьмах, которые находились в отделах мест заключения НКВД СССР [20, 141]. В трудовых колониях теперь содержались несовершеннолетние преступники 12–16 лет и беспризорники 14–16 лет²³.

В Карелии 29 июня 1935 г. был издан приказ Управления НКВД АКССР «Об организации комиссии по приему детских учреждений от Наркомпроса АКССР, расположенных на территории Карельской АССР» и сформирована республиканская комиссия²⁴. 13 августа 1935 г. СНК АКССР принял решение «о передаче из ведения Наркомпроса АКССР Повенецкой детской трудовой коммуны и Палеостровской трудовой колонии в ведение отдела НКВД»²⁵.

В связи с привлечением заключенных к строительству Беломорско-Балтийско-

го канала и организации комбината для освоения канала и прилегающих к нему территорий в этих районах увеличилось количество детей, отправленных вместе с родителями в специально созданные трудовые поселки. В декабре 1933 г. общее количество прибывших в район деятельности канала составляло 7 325 чел., из них 3 048 детей²⁶. Находясь в трудовых поселках, дети вливались в среду беспризорников и правонарушителей, поэтому в январе 1936 г. было принято решение «всех детей от 8-летнего возраста и выше, проживающих в лагере при родителях, отбывающих срок наказания, а также и не имеющих таковых, из лагеря изъять и передать в распоряжение начальника трудовой коммуны пос. Надвоицы для дальнейшего содержания в колонии. Детей до 8-летнего возраста передать в детские дома АКССР»²⁷. Таким образом, дети школьного возраста находились под надзором НКВД, а дети младше 8 лет – под надзором Наркомпроса АКССР.

Первая детская трудовая колония Беломорско-Балтийского канала стала специально организованным отдельным лагерным пунктом, в котором в 1936 г. содержались 1 092 чел.²⁸ Она дислоцировалась в рабочем поселке Надвоицы и занимала около 10 км (квадратных), на ее территории имелись 73 здания²⁹. На 24 декабря 1937 г. число несовершеннолетних заключенных составляло 1 397 чел.³⁰, из которых 357 прибыли из Ленинграда – в большинстве «своим неблагонадежные, разложившиеся, деклассированные»³¹. Обеспеченность колонии продуктами, одеждой и обувью была слабой, что фиксировалось в ежегодных отчетах и докладных записках начальника учреждения. Так, в 1937 г. отмечалось плохое питание в течение двух месяцев, когда не было жи-

²³ См.: Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под общ. ред. А. Н. Яковлева. М., 2002. С. 333.

²⁴ См.: Приказ УНКВД по АКССР от 29 июня 1935 г. // Архив МВД по РК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 011. Л. 112.

²⁵ См.: Постановление № 827 СНК АКССР от 13 августа 1935 г. // НА РК. Ф. Р-689. Оп. 11. Д. 15. Л. 190.

²⁶ См.: ГУЛАГ. С. 99.

²⁷ Там же. С. 100.

²⁸ См.: Приемно-сдаточный акт при смене начальников Надвоицкого отделения ББК НКВД // НА РК. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

²⁹ См.: Доклад о состоянии и работе Надвоицкой трудколониі МВД КАССР за 1948 г. // Там же. Д. 1. Л. 1.

³⁰ См.: Докладная записка о состоянии учебно-воспитательной части Надвоицкой трудколониі. 1937 г. // Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 34.

³¹ Там же.

ров, отсутствовали сахар и чай; 300 чел. совершенно невозможно было вывести на работу по причине нехватки обуви и одежды³². С детьми велась воспитательная и трудовая работа, однако теплых помещений и учителей было мало, а производственные предприятия работали с перебоями из-за отсутствия отопления.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. в структуре Главного управления рабоче-крестьянской милиции были организованы детские комнаты милиции, что явилось началом деятельности подразделений органов внутренних дел по делам несовершеннолетних [3, 59]. Однако рекомендации правительства по созданию детских комнат милиции не получили скорого воплощения на местах. На заседании Президиума Верховного Совета КАССР 26 февраля 1940 г. был заслушан доклад председателя М. В. Горбачева о работе по ликвидации детской беспризорности, в котором говорилось, что в Петрозаводске отсутствует детская комната привода и несовершеннолетние правонарушители доставляются в органы милиции³³. В 1939 г. было зарегистрировано 567 таких случаев³⁴. В докладе отмечалось, что работа с детьми по воспитанию в коммунистическом духе ослабла, не проявлялись должная забота и внимание к воспитанникам учреждений. Все это объясняло массовые побегі в 1939 г. из детских домов Карелии³⁵.

Определение государством детей в учреждениях социального воспитания часто не обеспечивало приемлемой материальной базы для здорового образа жизни несовершеннолетнего, развития его умственных и физических способностей. Бездушное отношение к трудоустроенным подросткам со стороны руководителей отдельных предприятий и отсутствие необходимых культурно-бытовых условий способствовали росту преступности среди них.

Таким образом, в государственной политике профилактики беспризорности

и преступности несовершеннолетних в 1920–1930-е гг. выделяются два этапа. Первый этап (1920-е гг.) отличался частичным смягчением уголовной ответственности несовершеннолетних и применением к ним мер «медико-педагогического» характера. К концу 1920-х гг. наметилось постепенное усиление карательной политики в отношении детей и подростков, что отразилось в законодательных актах середины 1930-х гг., понизивших возраст привлечения к уголовной ответственности. В ведение НКВД был передан ряд местных детских учреждений, создана первая трудовая колония для малолетних преступников. Для второго этапа (1930-е гг.) характерны отход от профилактической деятельности в отношении детей-правонарушителей и нарастание в практике работы репрессивной составляющей.

Формы и методы профилактики детской безнадзорности и преступности в 1920–1930-е гг. получили свое дальнейшее развитие в военный и послевоенный период.

В тяжелейших условиях военного времени, несмотря на все проблемы и издержки, государственные органы и общественные организации проводили огромную работу не только по ликвидации детской беспризорности, но и по ее профилактике. Продолжалось расширение системы закрытых учреждений для несовершеннолетних, при НКВД появилась новая ведомственная структура – Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Создавались общественные фонды помощи детям, оставшимся без родителей, большую помощь им оказывали предприятия, колхозы, общественно-военные организации.

В сентябре 1944 г., с освобождением от врага всей территории Карелии и возвращением из эвакуации населения, в республике вновь начались быстрый рост числа беспризорных детей-сирот и связанный с этим фактом подъем детской преступ-

³² См.: Докладная записка о состоянии учебно-воспитательной части Надвоицкой трудколониі. 1937 г. // НА РК. Ф. Р-2691. Оп. 3. Д. 1. Л. 34.

³³ См.: Выписка из протокола № 23 заседания Президиума Верховного Совета КАССР от 26 февраля 1940 г. «О состоянии работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в республике» // Там же. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 75. Л. 4.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

ности. В работе с трудными подростками существенный упор был сделан на их перевоспитание, а также на превенцию преступности несовершеннолетних. Судопроизводство по подобным делам рассматривалось в особом порядке; в каждой территориальной единице создавались специализированные суды, разбиравшие исключительные дела подобной категории [5, 122].

Одной из главных задач местной власти стало устройство беспризорных и безнадзорных детей. Министерством внутренних дел был организован детский приемник-распределитель на 100 чел. в возрасте от 3 до 16 лет. Срок пребывания ребенка в нем составлял 14 дней. В течение этого срока сотрудники учреждения выясняли причины беспризорности и безнадзорности и определяли ребенка в детский дом, на работу, передавали родителям или лицам, их заменяющим, либо отправляли в колонию. Только с 1 января по 1 апреля 1947 г. был устроен 251 ребенок, в том числе 92 чел. из других областей³⁶. В 1951 г. через детский приемник прошли 430 детей, из них к родителям были направлены 244, в детские дома – 108, в трудовые воспитательные детские колонии – 36, в школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища – 15, остались в приемнике 27 чел.³⁷ Склонные к правонарушениям подростки направлялись в Надвоицкую трудовую воспитательную колонию, реорганизованную по приказу МВД СССР от 8 июля 1946 г. в детскую трудовую колонию. Производственным профилем Надвоицкой трудовой колонии являлась деревообработка. В течение 1951 г. колония досрочно освободила более 200 детей, присвоив им квалификацию и производственный разряд. К концу 1951 г. в колонии содержались 438 осужденных подростков, из ко-

торых 142 уже приобрели квалификацию, 296 проходили курс производственного обучения по программе школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ³⁸. Надвоицкая детская трудовая колония была закрыта на основании приказа МВД КАССР от 18 декабря 1959 г., а все ее имущество было передано на баланс Исправительно-трудовой колонии № 1 отдела мест заключения МВД КАССР [22, 83].

Ключевую роль в устройстве детей-сирот в послевоенные годы играли детские дома. К началу 1945 г. в республике работали 25 детских домов, насчитывавших свыше 2 тыс. воспитанников, а к началу 1948 г. – уже 35 с числом воспитанников 3 580³⁹. Несмотря на трудности в работе детских домов, обусловленные нехваткой продовольствия, обуви, одежды, эти учреждения давали подросткам возможность получить специальность и рабочий разряд. Вместе с тем, вступая во взрослую самостоятельную жизнь, воспитанники детских домов нередко оказывались в сложной ситуации при устройстве на работу. Выявляя причины подростковой преступности, министр государственного контроля КФССР Г. П. Бояринов в докладной записке в Совет министров республики и ЦК КП(б) КФССР (март 1948 г.) отмечал неудовлетворительную работу по устройству детей, оставшихся без родителей, и нежелание многих руководителей предприятий принимать на работу подростков, особенно направленных из детских домов, так как им следовало предоставить жилье⁴⁰.

Особое внимание местные органы власти и правопорядка уделяли вовлечению детей и подростков в учебу. В первые послевоенные годы многие дети не посещали общеобразовательную школу по причинам отсутствия обуви и одежды,

³⁶ См.: Докладная записка МВД КФССР в Совет Министров республики о работе Петрозаводского детприемника-распределителя. 1947 г. // НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3170. Л. 14–15.

³⁷ См.: Доклад МВД КФССР об итогах хозяйственной деятельности органов и предприятий, дислоцированных на территории республики. Январь 1952 г. // Архив МВД по РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 364. Л. 105.

³⁸ Там же. Л. 106.

³⁹ См.: Справка министра просвещения КФССР в ЦК КП(б) республики о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Не ранее 15 февраля 1948 г. // НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3170. Л. 22.

⁴⁰ См.: Докладная записка министра государственного контроля КФССР Г. Бояринова в Совет Министров и ЦК КП(б) КФССР – О работе по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей. Не ранее 23 марта 1948 г. // Там же. Л. 28–46.

вынужденной работы на предприятиях, помощи родителям по дому и др. На 1 января 1946 г. по республике всеобщим обязательным начальным обучением не были охвачены 1 338 чел., из них не обучались с начала учебного года 508, отселились из школ 830 чел.⁴¹ Вопреки всем трудностям, в послевоенные годы в регионе была создана учебная база для всеобщего семилетнего образования, введение которого завершилось в 1952 г.

Важным направлением профилактической работы с несовершеннолетними являлась организация досуга детей. В 1947 г. в Карелии ею занимались две детские спортивные школы, лыжные базы, детская туристическая станция и станция юных натуралистов, Дворец пионеров в Петрозаводске с различными кружками. В отдельных школах были организованы предметные кружки, кружки художественной самодеятельности, физкультурные коллективы, но охват ими детей был незначителен. Одной из причин этого было отсутствие материальной заинтересованности учителей, которым подобная работа оплачивалась в недостаточном размере или вовсе не оплачивалась. Кроме того, штатная комиссия при Совете министров СССР категорически отказывала в утверждении штатов ряда внешкольных учреждений; в результате в течение двух лет не могли открыться дома пионеров в Беломорске, Сортавале, Олонце, дом художественного воспитания детей и детская техническая станция в Петрозаводске.

К деятельности по предотвращению преступности были привлечены профсоюзные организации республики. В большинстве из них были созданы комиссии по работе с детьми, в клубах организованы детские секторы, нуждающимся семьям оказывалась материальная помощь.

В профсоюзных библиотеках были организованы детские полки, профсоюзные киноустановки проводили детские киносеансы. Несмотря на тяжелые последствия войны, в летний период 1945 г. в республике были организованы 29 пионерских лагерей, один лагерь юношей, 45 летних оздоровительных площадок, которыми были охвачены 6 040 чел. Дачный отдых сроком на 75–90 дней был предоставлен 2 700 детям, в детских садах санаторного типа в течение 75 дней смогли отдохнуть 1 100 чел.⁴² В 1952 г. 42 пионерских лагеря приняли более 7 тыс. детей⁴³. Для них организовывались беседы, пионерские сборы, костры, экскурсии, физкультурные соревнования, встречи с артистами театров и знатными людьми республики.

В проведении летних оздоровительных кампаний значительную помощь республиканским комитетам профсоюзов оказывали отдельные министерства и ведомства. Так, Министерство лесной промышленности КФССР в 1947 г. выделило пионерским лагерям денежные средства в размере 60 тыс. руб., материалы, часть инвентаря. Благодаря материальной помощи министерств и ведомств были предоставлены бесплатные путевки детям инвалидов Отечественной войны и семьям военнослужащих, потерявшим кормильцев. Только республиканский комитет профсоюза леса и сплава выделил 228 путевок, из них 50 % бесплатно, а также 137 путевок на льготных условиях по 100 руб. за путевку и 91 путевку по 150 руб.⁴⁴

Много усилий прилагалось к приобщению детей к чтению, воспитанию их на лучших образцах советской литературы. В 1953 г. в Карелии работали 34 детские библиотеки, обслуживавшие 13 469 читателей. Всего читателей-детей в библиотеках республики насчитывалось 40 517 чел.

⁴¹ См.: Отчет наркома просвещения КФССР И. Беляева в ЦК ВКП(б) и СНК республики об осуществлении всеобщего в 1945/46 учебном году. 30 января 1946 г. // НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 6. Д. 2812. Л. 12–14.

⁴² См.: Докладная записка Управления гособеспечения и бытового устройства семей военнослужащих при СНК КФССР в военный отдел ЦК КП(б) КФССР о работе управления за 1945 г. // Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1800. Л. 22.

⁴³ См.: Докладная записка председателя карело-финского республиканского совета профсоюзов Васильева в организационно-инструкторский отдел ВЦСПС – О работе совета профсоюзов за 3-й квартал 1952 г. // Там же. Д. 5323. Л. 191–192.

⁴⁴ См.: Докладная записка уполномоченного ВЦСПС по Карело-Финской ССР Вилкова в ЦК КП(б) КФССР – О работе профсоюзов республики по проведению летней оздоровительной кампании в 1947 г. // Там же. Д. 2526. Л. 47–56.

В 1952 г. библиотеки организовали 39 лекций (количество слушателей составило 1 761 чел.), 899 читок и бесед (14 786), 43 литературных вечера (3 006), 36 читательских конференций (1 936 чел.). При библиотеках действовали 8 кружков художественного чтения, 17 передвижек с охватом 679 читателей. В течение года были оформлены 678 книжных выставок, проведены читательские конференции по книгам Н. Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома», В. А. Осеевой «Васек Трубочев и его товарищи», Л. А. Кассиля и М. Л. Поляновского «Улица младшего сына», А. А. Фадеева «Молодая гвардия» и др.⁴⁵

С конца 1940-х – начала 1950-х гг. расширяется практика замены уголовного наказания в отношении несовершеннолетних мерами воспитательного характера. В значительной степени этому способствовало постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 февраля 1948 г. «О применении Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года в отношении несовершеннолетних», которое предусматривало более широкое применение практики условного осуждения подростков в возрасте до 16 лет и прекращения уголовных дел по мелким кражам с передачей виновников на попечение родителей или опекунов⁴⁶.

Существенные изменения произошли в работе органов милиции с детьми и подростками. Если в первые послевоенные годы их основные усилия были сосредоточены на выявлении и устройстве детей-сирот, то с начала 1950-х гг. на передний план выдвинулись профилактические меры по предупреждению детской преступности. Большую работу в этом направлении проводили детские комнаты милиции. В справке Управления милиции Министерства государственной безопас-

ности КФССР в Совет министров республики о работе за 1950–1951 гг. и первый квартал 1952 г. сообщалось, что на родительских собраниях в школах работниками милиции были прочитаны 67 информации по вопросу усиления воспитательной работы среди детей.

В Петрозаводске органами милиции в присутствии родителей, педагогов и воспитателей школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ с задержанными подростками были проведены 264 индивидуальные беседы. О задержанных несовершеннолетних сообщалось по месту учебы, в общественные, комсомольские и профсоюзные организации, от их родителей требовались подписки об усилении надзора за детьми, составлялись административные протоколы. За 1951 г. и первый квартал 1952 г. были составлены 147 протоколов и 166 подписок родителей об усилении надзора за детьми. В результате проведенных мероприятий детская беспризорность и безнадзорность по Петрозаводску и республике в 1951 г. по сравнению с 1950 г. снизилась на 22,6 %⁴⁷. Из осужденных в 1953 г. народными судами республики за хищение государственного, общественного и личного имущества, хулиганство и другие преступления 5 955 чел. по приговорам, вступившим в силу (без учета осужденных за прогулы и самовольный уход с работы), на долю лиц до 18 лет приходилось 2 %⁴⁸.

Смещение акцентов социального контроля преступности несовершеннолетних с государственной на персональную ответственность родителей нашло свое выражение и в организации в 1955–1956 гг. при семилетних и средних школах родительских лекториев. В 1955 г. были прочитаны 447 лекций на педагогические темы по линии республиканского отделения Всесоюзного общества «Знание»

⁴⁵ См.: Справка Министерства культуры КФССР в отдел школ ЦК КП республики об обслуживании детей культурно-просветительными учреждениями. 15 апреля 1953 г. // НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 5871. Л. 8–9.

⁴⁶ См.: Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1957 / под ред. Н. К. Морозова. М., 1958. С. 17–19.

⁴⁷ См.: Справка Управления милиции МГБ КФССР в Совет Министров КФССР – О работе органов милиции по изъятию с улиц беспризорных и безнадзорных детей за 1950–1951 гг. и первый квартал 1952 г. // НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 6. Д. 1717. Л. 248–249.

⁴⁸ См.: Справка министра юстиции КФССР М. Горбачева секретарю ЦК КП(б) республики А. Н. Егорову о работе народных судов // Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 6022. Л. 55.

и более 600 лекций по линии школ через школьные лектории и другие формы педагогической пропаганды⁴⁹. Учителя школ республики выступали с лекциями о воспитании детей на предприятиях.

В связи с перечисленными мероприятиями трудно согласиться с точкой зрения М. В. Головизиной, согласно которой «процессы “закручивания гаек” и репрессии стали главными оформленными реакциями государства в отношении преступности несовершеннолетних вплоть до конца 1950-х гг.» [8, 230]. Документы, хранящиеся в архивах Республики Карелия, наглядно показывают, что уже с начала 1950-х гг. проводилась успешная профилактическая работа по предупреждению подростковой преступности с привлечением общественности.

Об усилении внимания к организации профилактической работы среди подростков свидетельствовало принятие в 1957 г. Советом министров РСФСР постановления «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности». В соответствии с постановлением в регионах были возрождены действовавшие в годы войны комиссии по делам несовершеннолетних. В 1961 г. при исполкомах районных и городских советов республики действовали 18 таких комиссий. Некоторые из них вели планомерную работу по рассмотрению случаев ухода детей из школ, нарушения дисциплины и общественного порядка. Так, комиссия по делам несовершеннолетних Петрозаводского городского совета рассматривала дела о правонарушениях подростков, особенно групповых, как правило, на выездных расширенных заседаниях с участием широкой общественности – представителей школы, депутатов, членов родительских комитетов. На выездном заседании

комиссии 5 февраля 1964 г. в п. Соломенном присутствовали 60 представителей, на заседании 26 февраля 1964 г. в ПТУ № 14 – 76, в школе № 26 Петрозаводска – 120, в школе № 6 – 100. Некоторые заседания комиссии проводились с участием судебных органов.

Несовершеннолетние, работавшие на производстве, могли быть уволены только при согласии комиссии. Совместно с органами милиции комиссией были взяты на учет 132 подростка, склонных к совершению преступлений. В школах были учтены все так называемые трудновоспитуемые учащиеся и разработаны меры по их вовлечению в спортивные школы, кружки, туристические походы и т. д. В результате принятых мер значительно сократилось число преступлений, совершаемых подростками⁵⁰. Многих нарушителей удалось вернуть в школу. С помощью комиссий по трудоустройству несовершеннолетних работу получили в Петрозаводске 1 091 чел., в Сегеже 490, в Суоярви 142 чел.⁵¹

Широкое распространение в республике со второй половины 1950-х гг. получили школы-интернаты, группы продленного дня в общеобразовательных школах, главной задачей которых была организация свободного времени детей после окончания уроков. К началу 1961 г. в республике работали 9 школ-интернатов, насчитывавших 2 376 детей, 15 детских домов с числом воспитанников 1 417 чел., школа с продленным днем на 300 учащихся и 99 групп продленного дня с охватом 2 921 чел.⁵²

18 июня 1962 г. Комиссия по народному образованию и культуре Верховного Совета КАССР рассмотрела вопрос о работе по борьбе с детской безнадзорностью и преступностью. Было отмечено, что значительное количество детей и под-

⁴⁹ См.: Докладная записка правления республиканского Общества по распространению политических и научных знаний – Об организации родительских лекториев при семилетних и средних школах. 3 марта 1956 г. // НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 6619. Л. 2.

⁵⁰ См.: Справка председателя исполкома Петрозаводского горсовета А. Исакова о принятых мерах по искоренению безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних. Не ранее июля 1964 г. // Там же. Ф. П-1230. Оп. 83. Д. 12. Л. 16–19.

⁵¹ См.: Справка орготдела Президиума Верховного Совета КАССР о состоянии преступности и судимости в республике за 1963 и 1964 гг. // Там же. Ф. Р-689. Оп. 17. Д. 653. Л. 18.

⁵² См.: Протокол заседания Комиссии по народному образованию и культуре Верховного Совета КАССР. 18 июня 1962 г. // Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 633. Л. 170–180.

ростков школьного возраста не охвачены обучением, велик процент привлеченных за правонарушения. Если в 1960 г. в республике совершили правонарушения 668 несовершеннолетних, то в 1961 г. – 833⁵³. Только Петрозаводским отделом милиции за 1961 г. и первый квартал 1962 г. были зарегистрированы 559 правонарушений, из них совершенных учащимися школ всеобща – 123. Во многих школах к трудновоспитуемым детям применялись крайние меры педагогического воздействия. Так, в Петрозаводске в 1960/61 учебном году были исключены из школы 3 чел. и до 500 чел. переведены в школы рабочей молодежи⁵⁴.

Обеспокоенность органов власти проблемами подростковой преступности была вполне обоснованной. В первой половине 1960-х гг. как в Карелии, так и в целом по России наблюдался устойчивый рост преступности среди несовершеннолетних. Удельный вес преступлений, совершенных подростками, в общем количестве преступлений в республике в 1963 г. составил 11,0 %, в 1964 – 15,7, в первом квартале 1965 г. – 18,4 %⁵⁵. В 1963 г. к судебной ответственности были привлечены 76 подростков, в 1964 – 116, в 1965 – 151, в 1966 г. – 289⁵⁶.

Можно выделить ряд причин данного явления. Во-первых, в начале 1960-х гг. в республике значительно увеличилась численность подростков в возрасте 14–17 лет: с 24 857 в 1959 г. до 44 241 в 1964 г., или на 78 %, а их удельный вес в общей численности населения повысился с 3,8 до 6,5 %. Одновременно происходила концентрация подростков в городах и рабочих поселках с развитой промышленностью и наличием средних специальных учебных заведений и школ профессионально-технического

образования. Особенно это относится к столице республики Петрозаводску, где удельный вес подростков увеличился с 4,3 до 9,3%⁵⁷, что, безусловно, отразилось и на росте преступности.

Во-вторых, вступивший в законную силу Уголовный кодекс РСФСР (1960 г.) значительно смягчил ответственность несовершеннолетних за уголовные преступления: из компетенции судов было исключено рассмотрение всех общественно опасных деяний лиц в возрасте от 12 до 14 лет; сокращен перечень преступлений, за совершение которых уголовная ответственность наступала в возрасте от 14 до 16 лет.

В-третьих, немаловажную роль играли и факторы социального порядка: из числа подростков, привлеченных в 1964 г. к уголовной ответственности, 71 % работали на предприятиях и стройках, 21 – не работали и не учились, 4,6 – являлись учащимися системы профессионально-технического образования, 3 % – учениками общеобразовательных школ⁵⁸. То, что подавляющую часть подростков, привлеченных к уголовной ответственности, составляли рабочие, в значительной степени объяснялось неудовлетворенностью условиями труда, использованием молодежи на малоквалифицированных работах с низкой заработной платой, на сверхурочных работах и в ночных сменах.

В-четвертых, серьезной проблемой, оказывавшей влияние на рост подростковой преступности в 1960-е гг., являлось значительное увеличение продажи и потребления спиртных напитков. В 1950 г. на душу населения в республике было продано (в старом масштабе цен) на 400 руб. спиртных напитков, в 1958 г. – на 673, в 1961 г. (по предварительным данным) – на

⁵³ См.: Справка министра просвещения КАССР в Карельский обком партии и Совет Министров КАССР о работе по предупреждению детской безнадзорности. 7 апреля 1961 г. // НА РК. Ф. Р-689. Оп. 17. Д. 425. Л. 5–9.

⁵⁴ См.: Справка Министерства просвещения КАССР о результатах проверки работы по борьбе с детской безнадзорностью и преступностью в районах. 18 июня 1962 г. // Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 5871. Л. 11, 14.

⁵⁵ См.: Справка Министерства просвещения КАССР о работе по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Карельской АССР. 1965 г. // Там же. Ф. Р-689. Оп. 17. Д. 653. Л. 227.

⁵⁶ См.: Справка о работе Верховного суда Карельской АССР за 1966 и первое полугодие 1967 гг. // Там же. Оп. 18. Д. 70. Л. 50.

⁵⁷ См.: Постановление Президиума Верховного Совета КАССР о работе по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетними в Карельской АССР. 28 июня 1965 г. // Там же. Оп. 17. Д. 653. Л. 213.

⁵⁸ Там же.

764 руб. Абсолютное потребление водки в расчете на душу населения возросло с 10,5 л в 1956 г. до 11,2 л в 1961 г.⁵⁹ В 1963–1967 гг. продажа водки, ликеро-водочных изделий, вин и пива росла более быстрыми темпами, чем продажа других продовольственных товаров. В расчете на душу населения она увеличилась за этот период с 86 руб. в 1963 г. до 113 руб. в 1967 г., или на 31%⁶⁰.

Оказать помощь подросткам, работавшим на предприятиях, были призваны советы содействия семье и школе. В 1965 г. такие советы действовали на 250 предприятиях, стройках и учреждениях республики. В них насчитывалось более 1 тыс. активистов⁶¹. Большую работу проводили созданные на предприятиях и в организациях комиссии содействия вечернему и заочному обучению работающей молодежи.

Провозглашенная и закрепленная юридически трансформация политики в отношении несовершеннолетних от карательных мер к профилактике преступности и мерам воспитательного воздействия проводилась в русле принятой XXII съездом партии (1961 г.) новой Программы КПСС, которая особую роль в этом деле отводила общественности, различным формам общественной самодеятельности. В 1960-е гг. к борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка стали широко привлекаться добровольные народные дружины, товарищеские суды, комиссии по делам несовершеннолетних, советы народных заседателей и др. В общеобразовательных школах работали родительские комитеты, при домоуправлениях создавались советы общественности по работе с детьми и подростками, в п. Чална и Пряжа Прионежского района и в г. Сортавала на общественных началах действовали детские комнаты милиции.

Порицание коллектива нередко оказывало более сильное воздействие на работников, чем административные меры, о чем говорит, например, такой факт. В ноябре 1959 г. каменщик строительномонтажного поезда № 138 Егорова совершила четырехдневный прогул. Узнав, что ее проступок будет обсуждаться в товарищеском суде, она заявила: «Мне очень стыдно перед товарищами по работе, лучше пусть судит народный суд, чем товарищеский»⁶².

Меры, принятые в первой половине 1960-х гг. управленческими и административными органами, а также общественностью, позволили значительно сократить число нигде не работающих и не обучающихся несовершеннолетних, которые составляли потенциальную среду для роста преступности. Если в 1959 г. в республике не учились и не работали 2 182 подростка в возрасте 14–17 лет, или 8,8 %, то весной 1965 г. – 895, или 2,0 %⁶³.

Заключение

Таким образом, на разных этапах исторического развития менялись содержание и формы профилактической работы органов управления и административных органов по предупреждению детской и подростковой преступности. В 1920–1930-е гг. происходило постепенное становление системы профилактики и борьбы с преступностью несовершеннолетних, что отразилось в появлении комиссий по делам несовершеннолетних, специализированных детских учреждений для малолетних преступников, привлечении общественности к вопросам улучшения жизни нуждающихся детей, завершении нормативно-правового оформления детских закрытых учреждений в пенитенциарной системе страны.

⁵⁹ См.: Протокол и стенограмма II пленума Карельского обкома КПСС. 26–27 января 1962 г. // НА РК. Ф. П-3. Оп. 13. Д. 2. Л. 56.

⁶⁰ См.: Справка административного отдела Карельского обкома партии о торговле алкогольными напитками в республике. 1968 г. // Там же. Оп. 19. Д. 131. Л. 39.

⁶¹ См.: Справка Министерства просвещения КАССР о работе по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Карельской АССР. 1965 г. Л. 223–224.

⁶² Протокол собрания актива Карельской областной партийной организации. 11 января 1960 г. // НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 59. Л. 95.

⁶³ См.: Справка Министерства просвещения КАССР о работе по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Карельской АССР. 1965 г. Л. 222.

Полезный опыт профилактики преступности среди детей и подростков был накоплен в республике в послевоенные годы. Его составили воспитательные мероприятия в школах при тесном взаимодействии родителей и педагогов, организация досуга, привлечение общественных организаций к работе по профилактике безнадзорности и преступности несовершеннолетних. Была усилена ответственность родителей за поведение детей.

В начале 1960-х гг. под влиянием ряда факторов стали проявляться негативные тенденции роста подростковой преступности. Актуализация дискурса коммунистического воспитания подрастающего поколения силами общественности, вызванная грандиозными задача-

ми коммунистического строительства и расширения общественного самоуправления граждан, оказалась недостаточной мерой в предупреждении подростковой преступности, хотя, безусловно, имела положительные результаты. Вследствие роста подростковой преступности в 1965–1967 гг. в СССР и РСФСР были приняты законодательные акты, направленные на усиление ответственности лиц, совершивших преступления, и расширение профилактических мер по данному вопросу. В решении проблем предупреждения детской и подростковой преступности в последующие годы широко применялся опыт, накопленный в 1920–1960-е гг., что подтверждает эффективность выработанной системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арифудина Р. У., Белогорская Л. В. Становление системы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11, ч. 1. С. 127–133.
2. Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928–1940. Петрозаводск: Карелия, 1989. 279 с.
3. Беженцев А. А. Историческое развитие государственных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в советский период // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2. С. 56–63.
4. Беженцев А. А. Организация деятельности социалистической системы профилактики правонарушений несовершеннолетних (1917–1950): положительный опыт, современные перспективы использования // Genesis: исторические исследования. 2017. № 12. С. 69–78.
5. Беженцев А. А. Ретроспектива профилактики правонарушений несовершеннолетних в Советском Союзе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 119–124. DOI: 10.51980/2542-1735_2019_3_119.
6. Блясова И. Ю. Состояние профилактики преступности и правонарушений несовершеннолетних в советский период // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. 2012. № 1, вып. 31. С. 54–59.
7. Бубличенко В. Н. Беспорядочность несовершеннолетних и создание детских закрытых учреждений НКВД – МВД СССР на Европейском Севере России в 1930–1940-е гг. // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2007. № 3. С. 3–6.
8. Головизнина М. В. Политика социального контроля преступности несовершеннолетних в СССР (1917 – конец 1980-х годов) // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 2. С. 223–240.
9. Иванов Н. В. Преступность среди несовершеннолетних и молодежи, пути их преодоления в 60-е гг. XX века (на материалах Чувашской Республики) // Международный научный журнал «Содружество». 2019. № 20. С. 11–13.
10. История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н. А. Кораблева и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
11. Келли К. Дети государства, 1935–1953. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/detigodarstva-1935-1953.html> (дата обращения: 10.09.2021).
12. Комарницкий А. В. Проблемы преступности несовершеннолетних: история и современность. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2007. 192 с.
13. Краснов Д. А. Основные этапы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР в 1917–1960 гг.: историко-правовой аспект // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 1. С. 91–100.

14. Краснов Д. А. Характеристика системы борьбы с подростковой преступностью и преступностью несовершеннолетних в РСФСР за 1965–1969 гг. // Социально-политические науки. 2013. № 3. С. 80–104.
15. Кудин В. А., Гутман М. Ю. Профилактика безнадзорности и преступности несовершеннолетних: исторический опыт правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4. С. 15–30.
16. Лившиц Е. С. Социальные корни беспризорности. М.: Работник просвещения, 1925. 207 с.
17. Мигачев А. В. Теория и практика воспитания «нового человека» в СССР в 1930-е гг. (на материалах Ставрополя) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2017. № 1. С. 99–103.
18. Полякова Н. И. Система предупреждения преступности несовершеннолетних: история и современность. М.: Юрлитинформ, 2010. 182 с.
19. Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М.: ИНИОН РАН, 2005. 171 с.
20. Славко А. А. Детские колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1933–1952 годы // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 140–146.
21. Тинькова Н. К. Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи (1926–1932). Петрозаводск: Карелия, 1981. 140 с.
22. Фефелов В. А. Учреждения для трудновоспитуемых детей и несовершеннолетних правонарушителей в Республике Карелия // Краеведческие чтения: материалы XII науч. конф. (14–15 февр. 2018 г.). Петрозаводск, 2018. С. 80–86.
23. Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 150 с.
24. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социал. история Совет. России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.
25. Чебаковская А. В. Работа с несовершеннолетними правонарушителями в Карелии в послереволюционный период // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8. С. 93–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.418.
26. Шабельникова Н. А. Особенности профилактики преступности несовершеннолетних в 1920-е гг.: исторический опыт // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 33–37.
27. Ball Alan M. And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley: University of California Press, 1994. 336 p. URL: <https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft700007p9;brand=ucpress> (дата обращения: 15.11.2021).
28. Ball Alan M. The roots of besprizornost' in Soviet Russia's first decade // Slavic Review. 1992. Vol. 51, issue 2. P. 247–270. DOI: 10.2307/2499530.
29. Berman N. Juvenile delinquency under the Soviets // Journal of Criminal Law and Criminology. 1939. Vol. 30, issue 1. P. 68–76. DOI: 10.2307/1136388.
30. Connor W. Juvenile Delinquency in the U.S.S.R.: Some quantitative and qualitative indicators // American Sociological Review. 1970. Vol. 35, no. 2. P. 283–297. DOI: 10.2307/2093206.
31. Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. New Heaven; London: Yale University Press, 2007. 714 p.
32. Weitz S. C. Geschichte der Jugendverwahrlosung in der Sowjetunion: in zwei Bänden. Marburg: Transdata Publ., 1990. Bd 1. Darstellung. 386 S.; Bd 2. Dokumentation. 275 S.

Поступила 28.03.2022; одобрена 22.04.2022; принята 29.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Л. И. Вавулинская – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, ludvav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6404-7551>

А. В. Чебаковская – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, chebakovskaja@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5750-956X>



Prevention of child neglect and juvenile delinquency in Karelia in the 1920–1960s

Ljudmila I. Vavulinskaja
Aleksandra V. Chebakovskaja

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. Based on archival documents introduced into research for the first time, the article shows the changes in the content and forms of state policy on the prevention of juvenile delinquency in Karelia during the 1920s – the first half of the 1960s. The focus is on the reconstruction of the conformity of the program for the protection of children and adolescents proclaimed by the Soviet state to the realities of that time.

Materials and Methods. It used the materials of the National Archive of the Republic of Karelia, which sufficiently reflect various aspects of the problem. The research was conducted on the basis of interdisciplinary approach, using not only historical, but also pedagogical science, social and political history, psychology, jurisprudence, etc. Systemic, comparative-historical, and problem-chronological methods were used in the preparation of the work.

Results and Discussion. Various aspects of the preventive work of the governing bodies and administrative institutions of Karelia on the prevention of child and juvenile delinquency have been representatively studied. The experience of formation and transformation of the system of children's institutions for juvenile delinquents is summarized, public initiatives in the issue of improving the lives of children in need are noted. The main stages of the activities of state and administrative bodies for the prevention of crime in children and adolescents are identified. In the first half of the 1920s there was a partial mitigation of the criminal liability of minors and use of "medical and pedagogical" measures, however, from the mid-1930s the development of state policy changed in the direction of tightening and expanding the authorities of NKVD. In the post-war period, significant emphasis was placed on the re-education of difficult adolescents, and the prevention of juvenile delinquency.

Conclusion. The article identifies the causes and describes the measures to prevent child and juvenile delinquency in Karelia during the that period. The experience of solving the problems of its prevention, accumulated in the 1920–1960s, was widely used later, which confirms the effectiveness of the developed system.

Keywords: prevention, juvenile crime, child neglect, Karelia

Acknowledgments: The research was funded from the federal budget as part of the state project of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (No. 121070700117-1).

For citation: Vavulinskaja LI, Chebakovskaja AV. Prevention of child neglect and juvenile delinquency in Karelia in the 1920–1960s. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;4:418–436. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.418-436.

REFERENCES

1. Arifulina RU, Belogorskaia LV. Becoming of system of prophylaxis of deviant behaviour of minors in Russia. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniï* = International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016;11;1:127–133. (In Russ.)
2. Afanas'eva AI. Cultural transformations in Soviet Karelia. 1928–1940. Petrozavodsk; 1989. (In Russ.)
3. Bezhentsev AA. The historical development of public bodies and agencies for preventing child neglect and juvenile delinquency in Soviet period. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* = Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia. 2011;2:56–63. (In Russ.)
4. Bezhentsev AA. Organization of the activities of the socialist system for the prevention of juvenile delinquency (1917–1950): positive experience, modern prospects for use. *Genesis: istoricheskie issledovaniia* = Genesis: historical research. 2017;12:69–78. (In Russ.)
5. Bezhentsev AA. The fight against corruption by weakening criminal repression cannot be successful. *Vestnik Sibirskogo*

- juridicheskogo instituta MVD Rossii* = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia. 2019;3:119–124. (In Russ.). DOI: 10.51980/2542-1735_2019_3_119.
6. Bliasova Iu. The state of prevention of crime and juvenile delinquency in the Soviet period. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo* = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2012;1;31:54–59. (In Russ.)
 7. Bublichenko VN. Homelessness of minors and the creation of children's closed institutions of the NKVD – the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the European North of Russia in the 1930–1940s. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2007;3:3–6. (In Russ.)
 8. Goloviznina MV. A policy of social control over the juvenile delinquency in the USSR (1917 – late 1980s). *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* = The Journal of Social Policy Studies. 2005;3;2:223–240. (In Russ.)
 9. Ivanov NV. Crime among minors and youth, their ways overcoming in the 60ies. XX century (on the materials of the Chuvash Republic). *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal "Sodruzhestvo"* = International scientific journal "Commonwealth". 2019;20:11–13. (In Russ.)
 10. Korablev NA at al., eds. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk; 2001. (In Russ.)
 11. Kelly C. Children of the State, 1935–1953. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/deti-gosudarstva-1935-1953.html> (accessed 10.09.2021). (In Russ.)
 12. Komarnitskii AV. Problems of juvenile delinquency: history and modernity. Saint-Petersburg; 2007. (In Russ.)
 13. Krasnov DA. The main stages of fight against crime of minors in the USSR in 1917–1960: historical and legal aspect. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* = Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2013;1:91–100. (In Russ.)
 14. Krasnov DA. Characteristics of the system of combating juvenile delinquency and juvenile delinquency in the RSFSR for 1965–1969. *Sotsial'no-politicheskie nauki* = Sociopolitical Sciences. 2013;3:80–104. (In Russ.)
 15. Kudin VA, Gutman MIu. Prevention of neglect and juvenile crime: the historical experience of legal regulation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* = Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia. 2016;4:15–30. (In Russ.)
 16. Livshits ES. Social roots of homelessness. Moscow; 1925. (In Russ.)
 17. Migachev AV. Theory and practice of education "the new man" in the USSR 1930-ies (on materials of Stavropol). *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki* = Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov. Social Sciences. 2017;1:99–103. (In Russ.)
 18. Poliakova NI. Juvenile delinquency prevention system: history and modernity. Moscow; 2010. (In Russ.)
 19. Slavko AA. Child homelessness in Russia in the first decade of Soviet power. Moscow; 2005. (In Russ.)
 20. Slavko AA. Child colonies for under age delinquents in Russia in 1933–1952. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tyumen State University Herald. 2009;7:140–146. (In Russ.)
 21. Tin'kova NK. The activities of the Karelian regional organization of the Komsomol for the communist education of youth (1926–1932). Petrozavodsk; 1981. (In Russ.)
 22. Fefelov VA. Institutions for children with difficult education and juvenile delinquents in the Republic of Karelia. *Kraevedcheskie chteniia: materialy XII nauch. konf. (14–15 fevr. 2018 g.)* = Local history readings: materials of the XII scientific. conf. (February 14–15, 2018). Petrozavodsk; 2018:80–86. (In Russ.)
 23. Filimonchik SN. Education and enlightenment in Soviet Karelia (1918–1939). Petrozavodsk; 2013. (In Russ.)
 24. Fitspatrik Sh. Everyday Stalinism: A Social History of Soviet Russia in the 1930s: City. 2nd ed. Moscow; 2008. (In Russ.)
 25. Chebakovskaia AV. Working with juvenile offenders in Karelia during the post-revolutionary period. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University. 2019;8:93–101. (In Russ.). DOI: 10.15393/uchz.art.2019.418.
 26. Shabel'nikova NA. Features of the prevention of juvenile delinquency in the 1920s: historical experience. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniiami* = Actual issues of fight against crimes. 2016;2:33–37. (In Russ.)
 27. Ball Alan M. And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley; 1994. URL: [https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft700007p9;brand=ucpress_\(accessed 15.11.2021\)](https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft700007p9;brand=ucpress_(accessed 15.11.2021)).
 28. Ball Alan M. The Roots of Besprizornost' in Soviet Russia's First Decade. *Slavic Review*. 1992;51;2:247–270. DOI: 10.2307/2499530.
 29. Berman N. Juvenile delinquency under the Soviets. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1939;30;1:68–76. DOI: 10.2307/1136388.

30. Connor W. Juvenile Delinquency in the U.S.S.R.: Some quantitative and qualitative indicators. *American Sociological Review*. 1970;35;2:283–297. DOI: 10.2307/2093206.
31. Kelly C. *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. New Heaven; London; 2007.
32. Weitz S. C. *Geschichte der Jugendverwahrung in der Sowjetunion*. Marburg; 1990;1;2.

Submitted 28.03.2022; reviewing 22.04.2022; accepted 29.09.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

L. I. Vavulinskaja – Candidate Sc. {History}, Senior Research Fellow, Department of History, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, ludvav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6404-7551>

A. V. Chebakovskaja – Candidate Sc. {History}, Junior Research Fellow, Department of History, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, chebakovskaja@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5750-956X>